

ПРЕСТУПНОСТЬ. НЕОБХОДИМЫЕ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Я.С. ТУРБОВСКОЙ

Введение в проблему

Во все времена проблема преступности не могла не волновать общественное сознание. Ее трагичная неизбежность не могла не вызывать справедливого гнева, жажды справедливости наказания, стремления понять причины, ее порождающие, и, конечно, вековую бесконечность устремленности к ответу на вопрос «Что делать?». В разные времена она о себе заявляла то отдельными трагичными эпизодами, вызывавшими всеобщее негодование, а то – тотальной в своей бесчеловечной жестокости распространенностью. При этом преступность с неопровержимой убедительностью доказала и продолжает доказывать, что она, как и любое социальное явление, способна к развитию, разнообразным видоизменениям, не только стремясь приспособиться и адаптироваться к изменяющим социальным условиям, но и оказывая, порой существенное, преобразующее влияние на эти условия. Естественно, негативное, в прямом соответствии со своей разрушающей сущностью.

И ее буквально «победоносное шествие» по земному шару, проявляемое и в изощренности, и в невиданной активности, и в масштабности, и в использовании самых последних научных и технических достижений, и в удивительной способности к международной, межнациональной интеграции, преодолевающей любые барьеры, включая государственные границы и вековую этническую изолированность, похоже, достигает в современных условиях своего апогея, выливаясь не только в мафиозно-групповые, преимущественно региональные образования, но и приобретая характер государственной и межнациональной структурно-иерархизированной коррумпированности.

Естественно, что у каждой страны и в каждой стране

своя история борьбы и поощрения преступности. И в каждой стране проблемы, ею порождаемые, решаются по-разному. И мы — СССР в недалеком прошлом, а теперь Российская Федерация-Россия — не составляем исключения. И та криминально-коррупцированная ситуация, которая сложилась после развала СССР как наивысшая опасность, требует осмысления нашего же опыта.

И именно осознание нависшей над нами угрозы провала в пропасть, из которой, по сути нет возврата ни к ценностям, ради которых создавалась человеческая культура, ни к образу жизни, достойному человека, ни ко всему тому, что составляет и оправдывает историческое существование нашего общества настоятельно требует выявления путей и возможностей торможения усиливающихся тенденций, приближающих нас, образно говоря, к «точке возврата», когда изменить что-либо будет невозможно.

Именно осознание губительной опасности метастазно разрастающейся преступности ставит нас перед одной единственной проблемой — во что бы то ни стало найти ответ на вопрос: что нужно сделать — *сделать?* — в качестве первого шага, направленного на удаление от пропасти, перед которой мы оказались. Ведь, как известно, сколь угодно дальняя дорога начинается с первого шага. А он — этот судьбоносный первый шаг находится в прямой зависимости от четко названного и указанного направления, по которому нам необходимо начать двигаться. И, следовательно, от выбора того основания, с позиции которого можно выбрать и определить требуемое направление.

И, может быть, я ошибаюсь и в самой постановке проблемы, и в гиперболизации ее опасности, и в предлагаемом пути решения, но единственно необходимой основы, с позиции которой можно определить требуемые направления развития, может стать только критическое осмысление борьбы с преступностью осуществлявшейся в нашем недавнем прошлом, в СССР. Именно такой анализ способен помочь нам выявить те губительные изъяны, не использованные возможности и резервы, которые могут быть и учтены, и использованы при решении исторически вставшей перед нами проблемы.

Успешность борьбы — в понимании сути явления

В 1960 г. я впервые познакомился с жизнью людей, оказавшихся в заключении. И надо, наверное, объяснить, с чего бы это мне, учителю, выпускнику философского факультета, понадобилось посещать огромное множество наших колоний, размещенных на всей территории огромной страны. С запада на восток и с севера на юг. Все дело в том, что мои многочисленные посещения колоний не были проявлением праздного любопытства и стремлением повысить свое знание об этом предмете. Годы работы в школе не могли не вызвать интереса к проблеме детской преступности вообще, а непосредственно школьников — в особенности. Все дело в том, что, изучая причины активного проявления недисциплинированного поведения школьников, я не мог не коснуться таких крайних форм, как правонарушения, включая и уголовно-наказуемую преступность. И тот непреложный факт, что не так уж редко такие преступления совершались школьниками, не мог не тревожить и не заставлять искать ответы на эти вопросы.

И естественно, что в первую очередь меня интересовало все, что позволяло понять причины возникновения таких очевидных и нежелательных, и недопустимых явлений, как преступное поведение. И как в таких случаях положено с позиции существующих методологических установок, я начал свое исследование с анализа соответствующей литературы, и, конечно, со всякого рода бесед, составления и аналитической обработки специально составляемых анкет. Я опрашивал буквально всех, кто, так или иначе, соприкасался со школьниками, включая учителей, родителей, работников колоний, лагерей, тюрем, и конечно, самих школьников, уже нарушивших нормы закона и не нарушавших их.

В результате такого рода, можно сказать, системного и широкого охвата реципиентов получилась удивительная в своей содержательности аналитическая картина. Все — буквально все! — по сути, объясняя причины преступности, сходились на одном объяснении: «не усмотрели», «упустили», «не уследили», «поддался дурному влиянию» и т.д. Что родители, что учителя, что работники колоний именно в этом

видели причины поведения оступившихся детей. В этом же их видели сами оступившиеся — «пошел за товарищем», попал в дурную компанию» и т.д.

При этом и учителя, и руководители школ самым убедительным образом не только доказывали достоверность именно такого объяснения причин преступных поступков, но и невероятную *исключительность* самого факта детской преступности. И аргументы, которые они приводили, стремясь доказать исключительность противоправного поведения детей, были действительно и весомы, и убедительно неопровержимы. Каждый директор школы говорил: «У нас в школе 800 (900, 1000 и т.д.) учащихся. А на учете в милиции состоит 3 человека». Или «А совершили правонарушения 2 человека». И в качестве непреложного вывода следовало: «Чем как не исключительностью таких поступков можно объяснить такое поведение?», и я был вынужден соглашаться. Ведь руководитель школы, даже не прибегая к широко использованной в те годы аргументации «большинство — меньшинство», с позиции которой доказывалось, если и не все, то очень многое, делал правильный и единственно возможный вывод. Процентное соотношение цифр «2 — 3» и «1000» учеников ничего другого, кроме действительной исключительности таких поступков не доказывает. И эти ничтожные проценты, выражаясь такими незначительными величинами, которыми с позиции математики, можно было пренебречь. Ведь не слова, а неумолимые в своей объективности цифры убеждали, что речь идет о сотых и тысячных долях процента.

С позиции такого рода неопровержимых аргументов, объяснение причин детской преступности все больше начинало казаться действительно правильным и единственно возможным. Тем более, что в те годы напрочь отбрасывались всякого рода объяснения с позиции генетики преступного поведения и предрасположенности к нему. «Социальное» не только праздновало победу над «биологическим», но и перекрывало, по сути, возможность научного объяснения возникновения причин преступного поведения. Как говорится, перефразируя известную фразу, нет оппонента — нет и проблемы.

Я и сейчас не собираюсь вдаваться в не до конца познанные сложности взаимоотношения «социального» и «биологического». Беспокоило совершенно другое. Даже соглашаясь с распространенным объяснением преступного поведения школьников, признавая право директора школы считать каждый факт такого поведения исключительным явлением, я не мог не понимать, что это — в сути своей — не только не объясняет столь самого феномена преступности, а является полным отказом даже от желания разобраться в такой сложной проблеме. Ситуация с объяснениями причин преступного поведения напоминала ситуацию с преподаванием русского языка. Дескать, вот это правило, а вот это — его исключение. А почему эти исключения именно такие, одному богу известно. А нам всем, включая каждого ученика, просто надо эти исключения запомнить, не думая и не рассуждая. У исключений нет, и не может быть правил, и именно поэтому они — исключения.

Но когда так ставится вопрос по отношению к правилам грамматики, еще куда ни шло, тем более, что можно пренебречь необходимостью оказания влияния на развитие критичности мышления ученика, и ограничиться очевидной пользой для развития его же памяти.

Но здесь-то речь идет о детях! И сколько бы ни была ничтожной величина процентов, за ней стоят реальные судьбы реальных детей. Поэтому возникла идея взглянуть на исследуемую проблему организации нравственного опыта учеников не изнутри школы, а непосредственно «из мест не столь отдаленных», т.е. из тюрем и колоний. И для этой цели я, выражаясь академически, разработал «метод другого объекта», позволяющий, как представлялось, принципиально иначе увидеть, понять и оценить исследуемое явление. В данном случае школу. И таким «другим объектом» изначально представлялась детская колония. Но первые посещения колонии не только не позволили усомниться в правильности объяснений родителей и учителей, а наоборот, только еще больше ее подтверждали. Все объяснения, которые пришлось выслушать от сотрудников колоний осужденных сотрудников, как уже отмечалось, в сути своей, были идентичны объяснениям учителей и родителей.

Но, как известно, у накапливаемого количества есть одна чрезвычайно любопытная особенность. Оно способно порождать, создавать, приводить к возникновению нового качества. И в реальной действительности, и в осуществляемой людьми аналитической деятельности. И перед рефлектирующим субъектом стоит только одна принципиально значимая задача — заметить, зафиксировать это происходящее изменение. И хотя, когда речь идет о социальных явлениях, развитие и изменение которых не может быть зафиксировано той или иной аппаратурой, это не так просто. И все же использование «метода другого объекта» позволило выявить чрезвычайно важный факт, ранее не находившийся даже на периферии рефлектирующего сознания. И этот зафиксированный факт, носящий неопровержимо объективный характер, позволил прийти к принципиально иному выводу, раскрывающему причинную обусловленность преступного поведения школьников. И суть его в том, что *если по отношению к каждой конкретной школе преступное поведение ученика является исключением и психологически оправданно воспринимается как исключение, то ситуация коренным образом принципиально изменяется, когда речь идет о соотношении преступности и эффективности функционирования всей системы отечественного образования.*

И именно эту закономерность позволил выявить и установить «метод другого объекта». И действительно, если в каждой конкретной школе процент преступного поведения учеников чрезвычайно мал, и на этом основании делается вывод об исключительности преступного поведения школьников, то исходя из количества осужденных, находящихся в заключении подростков, исчисляемого десятками тысяч, ситуация сущностно и принципиально изменяется. Причем, что, наверное, чисто по человечески немаловажно, драматичность такого количества осужденных учеников не может, по определению, сводиться к существующим и распространенным объяснениям. Столь значительное количество осужденных объективно и, как представляется, неопровержимо свидетельствует о существовании «генетических» изъянов в учебно-воспитательном процессе. Недопустимо большое число осужденных не может не свидетельствовать

о проявлении определенных негативных влияний учебного учреждения как формирующей среды, и именно эти влияния возникают на основе каких-то пусть неизвестных, но, несомненно, существующих причин. И к такому столь нужному объяснению удалось приблизиться. Системный анализ характеристик осужденных подростков, их личных дел, школьной документации позволил установить, что **83% из них характеризовались плохой успеваемостью.**

Полученные данные о плохой успеваемости как стойкой характеристики осужденных подростков, позволили выдвинуть идею о неразрывности связи между плохой успеваемостью и способами самореализации личности, ее поведении и поступках, включая уголовно наказуемые. Но если такой индикатор, как плохая школьная успеваемость, характеризует столь значительную массу учеников, есть достаточно оснований полагать, что он является не только сопутствующим признаком, но и формирующим фактором в развитии и самореализации личности. Это гипотетическое предположение нашло свое подтверждение в проведенном исследовании «Организация нравственного опыта учащихся общеобразовательных школ». Было установлено, что существующий критерий успешности обучения является фундаментальной основой дифференциации оказываемых школой влияний на каждого ученика. Происходящие процессы дифференциации влияний объективно способствуют не только противопоставлению учеников друг другу на всех уровнях осуществляемого учебно-воспитательного процесса и организуемых межличностных отношений, но и на конфликтном противопоставлении ученика с самим собой, **объективно выталкивая его за пределы дискомфортных для него отношений.**

Столкновение конфликтов, создаваемых в среде общения и в душевно-эмоциональном мире самого ученика, приводит к возникновению разных групп, внутри которых действуют разные ценности, разные оценки и складываются принципиально иные межличностные отношения. В каждой из этих групп по разному оцениваются отношения и поступки, побудительные мотивы и личностные установки, определяющие взгляды подростка на других и, что са-

мое главное — на самого себя. Неискоренимое существование принципиально различных влияний приводило в советской школе к возникновению, как минимум, двух коллективов. Первого, строящего свои отношения с учителями и школой на основе официально провозглашаемых целей и ценностей и второго — на основе диаметрально противоположного противопоставления своих целей и ценностей, официально провозглашаемых и авторитарно навязываемых. В результате в каждой из групп происходило формирование и отстаивание своего понимания «хорошего» и «плохого», «нужного» и «ненужного», «желанного» и «нежеланного». И те, и другие, что естественно, испытывали со стороны учителей неодинаковое к себе отношение и поэтому как бы жили в отличных друг от друга духовно-нравственных мирах, и формировали свои отношения и себя в соответствии с требованиями и нормами этих миров. И надо признать, что определение каждой из этих групп как разных формирующих миров совсем не является метафорой и вербальным преувеличением, а адекватным раскрытием их сущности.

В каждом классе без исключения, что подтверждалось множеством специально проведенных педагогических исследований, сосуществовали два коллектива со своими лидерами. **Формальный** — назначенный учителем, и **неформальный** — никем не назначаемый, но, как правило, пользующийся несравненно большим авторитетом. И таким образом, на основе проведенного исследования уже в 1964 г. было доказано, что преступное поведение учеников для каждой школы в силу тех или иных обстоятельств, факторов и условий, несомненно, включая степень эффективности осуществляемого учебно-воспитательного процесса, является **исключением**, но для всей системы отечественного образования не только не является исключением из правил, а, наоборот, объективно и неодолимо проявляемых закономерностей.

Преступное поведение школьников как самое негативное, уголовно наказуемое поведение, по сути своей, является неотъемлемой частью социально негативного поведения, обусловленного теми нравственными образцами и

ценностями среды, в которой оно зарождается. И самой социально негативной особенностью существования такой формирующей среды является и продолжает являться тотальная системность непрерывно воспроизводимых отношений, изначально «поставляющих» в открытый социум, т.е. в общество носителей определенных ценностей и нравственных установок с очевидно сформированной готовностью воплотить их в принимаемых решениях и поступках.

Было бы несправедливо видеть только в учебно-воспитательном процессе основную совокупность причин, порождающих преступное поведение. Таких факторов и, естественно, причин, без преувеличения, множество. И поднятый мною аспект проблемы причин возникновения преступного поведения обусловлен совсем не тем, чтобы раскрыть негативную роль школы, которая, казалось бы, будучи специально создаваемым и педагогически оснащенным формирующим пространством, не только не должна хоть в малейшей степени способствовать возникновению столь негативного социального явления, а наоборот, всемерно раскрывать самую возможность от предотвращения его возникновения всячески облагораживая, если и не в сфере общественных отношений на всех уровнях, то, по крайней мере, всего, что связано с межличностными отношениями. И, естественно, с мотивационными установками, с позиций которых выпускники школы вступают во взрослую жизнь, и которые в качестве внутренних нравственных регулятивов позволяют личности не только различать, «что такое хорошо, и что такое плохо», но и в соответствии с таким пониманием принимать решения и совершать, естественно, не уголовнонаказуемые поступки. Моя задача принципиально иная. И сводится она к тому, чтобы раскрыть исторически неотложную необходимость осмыслить и постараться понять глубинную сущность возникновения преступности как социально-педагогического явления, требующего не только учета позитивных влияний любого используемого метода и средства, но возникающих при этом сопутствующих и, как правило, неучитываемых *последствий*. Что буквально должно заставить нас отказаться от какой бы то ни было фетишизации предлагаемых и избираемых средств для решения в сфере обще-

ственных отношений любой проблемы. И, тем более такой, какой является преступность.

Вбрасываемые в общественное сознание общие призывы и безапелляционные утверждения типа «образование воспитывает», «математика воспитывает», «литература воспитывает», «искусство воспитывает», «труд воспитывает», «красота спасет мир» и т.д. в сути своей избыточно категоричны не только потому, что и «образование», и «математика», и «труд», и «искусство», и «литература» в качестве формирующего средства могут приводить к разным воспитательным результатам, ибо, как считал великий А. Макаренко, сами по себе могут в лучшем случае оказаться нейтральными, не ведущими к желаемым целям. Но в современных условиях об этом надо знать и помнить, в первую очередь, по другой причине.

Бесконечно расширительный, по сути, миссионерский подход к идее, предложению как средству решения проблемы, придавая им некий статус социальной надежды и веры, на самом деле этим самым *перекрывает* возможность осознания необходимости системного и комплексного поиска нужных государству и обществу решений. И еще при этом, что, пожалуй, самое социально опасное, этим самым в общественном сознании формируется стремление к умиротворяющей простоте решений. Лозунговая декларативность призывов, порой выглядящая и эффектно, и убедительно, в действительности не столько предлагает решение проблемы, сколько порождает дополнительные и еще более острые осложнения, социальная опасность которых в отсроченности проявлений, когда надо будет в самом спешном порядке искать хоть какие-то, пусть очевидно временные, решения. Нельзя, к примеру, прибегая к «простому» варианту решения, призывать к необходимости замазывать в стенах дома трещины, образуемые проседанием фундамента. Долговечность этого дома ни в какой степени не зависит от трещин в стенах и их замазывании. Хотя именно трещины бросаются в глаза и буквально требуют от жильцов соответствующих и, казалось бы, незамедлительных действий. И вопрос действительно только в том, о чем незамедлительно нужно проявлять беспокойство. Но, как

представляется, все, что у нас делается для решения проблемы преступности, все, что в современных условиях определяет установочную направленность общественного и собственно научного сознания, достаточно убедительно характеризуется именно такой фрагментарностью и полным отказом разобраться, на каких дорогах, в каком направлении поисков решений нас может ожидать действительный, а не мнимый успех. И если мы на самом деле обеспокоены проблемой успешной борьбы с преступностью, нам, в первую очередь, надо освободиться от традиционно сложившейся логики подмены действительно необходимых и эффективных путей и средств решения социально актуальных проблем, а не вбрасываемыми в общественное сознание рекламными упрощенными призывами, изначально не только неспособными изменить ситуацию в лучшую сторону, а наоборот, порождающих призрачные надежды на быстрый успех. В результате, чем активнее поддерживаются такого рода решения-временки, чем больше вызывают эмоциональных криков в свою поддержку, тем, в конечном итоге, хуже и для государства, и для общества. И не только потому, что со временем еще труднее будет справиться с больной проблемой, но и потому, что создаваемая в обществе эмоционально поддерживаемая большинством атмосфера, по сути, не позволяет задуматься и осознать, что делать нужно что-то другое, порой диаметрально противоположное.

Кузница кадров, или должен ли вор сидеть в тюрьме?

Кто не знает этой будто гвоздем забитой гениальным Высоцким в наши головы фразы — «Вор должен сидеть в тюрьме!»? И нет, пожалуй, человека, который не разделял праведности гнева, лежащего в ее смысловой и гражданской основе. И все же нам всем просто необходимо задуматься — насколько она несомненна и верна в своей категоричности. И поэтому, даже хорошо осознавая всеми разделяемую справедливость этого заклинания, я не только хочу подвергнуть его сомнению, но и прямо и достаточно категорично заявить о его социальной несостоятельности.

И дело здесь совсем не в том, что случаются судебные

ошибки, что порой надо вникнуть и понять сложные переплетения в жизни каждого человека, что приклеиваемый человеку социально несмыслимый ярлык — не самое эффективное средство решения не только личной судьбы человека, но и его близких, да и всех нас, вместе взятых. Хотя очевидно для каждого из нас, и об этих вопросах, десятилетиями произнося «Вор должен сидеть в тюрьме!», нельзя не думать.

И все же, в контексте поднимаемой проблемы, я позволю себе абстрагироваться от этой на самом деле очень важной совокупности вопросов, порождаемых заботой о судьбе каждого человека. И такое отвлечение достаточно оправдано, если, даже глубоко не вдаваясь в суть проблемы преступности, задаться очень простым и казалось бы каждому понятным вопросом: «Мы этого самого вора, посаженного в тюрьму, будем всю жизнь держать за решеткой? Или он все-таки когда-нибудь выйдет, как принято, находясь в тюрьме считать, «на свободу?»»

И как только мы перед собой, перед нами всеми поставим такой вопрос, от нашей праведной убежденности в том, что вор должен сидеть в тюрьме, мало что сохранится. Правда, если мы думаем, что после того, что он несколько лет отсидит в тюрьме, все коренным образом изменится, и он никогда и ни за что не примется за свое преступное ремесло, то спорить и возражать бессмысленно. И не нужно. В этом случае, когда пребывание за тюремной решеткой органически объединяет в себе и справедливость наказания за содеянное, и возвращение оступившегося на праведный и нравственный путь, призыв «вор должен сидеть в тюрьме» не только должен всеми разделяться, но и приобрести характер высокогуманного постулата. Но ведь этого органического единства наказания и перевоспитания, мягко говоря, нет и в помине. А есть нечто диаметрально противоположное, не только корежащее судьбу молодого человека, но и превращающее его в закоренелого преступника, для которого тюрьма, если и не «дом родной», то, несомненно, и не место перевоспитания. Сколь бы часто и долго ему в ней не доводилось пребывать.

И, таким образом, избавляя нас на некоторое время от

того или иного пойманного вора, мы, сажая его в тюрьму, не решаем ни его личную судьбу, ни тем более самую проблему преступности. Видеть в призыве «вор должен сидеть в тюрьме» не только вынужденность принятия хоть какой-то меры, и, тем более, видеть в этой неотвратности наказания средство решения такой сложной социальной проблемы, как уголовная преступность, значит не понимать или не хотеть понимать социальной близорукости такого призыва, и той идеологии, из которой он проистекает.

Но если бы дело ограничивалось только судьбой отдельного человека и нашим стремлением обеспечить справедливость наказания за уголовное преступление! Если бы! В действительности все намного сложнее и, мягко говоря, драматичнее. Не могу забыть, с каким нескрываемым удивлением я воспринял слова одного начальника колонии, которого критиковали за плохую воспитательную работу, за никуда негодную ее результативность. Не оправдываясь, не подыскивая смягчающих аргументов, он с искренней убежденностью утверждал: «Как может быть по-другому, если у них такие маленькие сроки наказания?!».

Не могу удержаться, чтобы не выразить недоумения, когда приходится слышать возгласы нескрываемого сожаления по поводу вынесенных судом малых сроков наказания. «Да за такое убить мало, а дали всего 5 лет!» И мое недоумение вызвано не жалостью к осужденному. И я хорошо понимаю боль, гнев и ненависть пострадавших. И я тоже готов вместе со всеми обворованными, ограбленными, избитыми и униженными в голос кричать «Убить мало!» И может быть действительно мало. Но — убить. А не как можно дольше, надеясь на перевоспитание, содержать в тюрьме.

Даже если бы тюрьма несла в себе только ограничения в свободе передвижения, общении, любви и всего того, что составляет суть нашей жизни, то и тогда 3, 5, или 7 лет, да что там 7, хотя бы и один год, должны были бы нами восприниматься в своем эмоциональном ужасе как астрономическая величина. И если общество с содроганием не воспринимает любой срок, назначаемый осужденному, не понимает и не хочет понимать, что после этого будет происходить, то преступность становится и будет оставаться обыч-

ным спутником реальности. И годы, проводимые за тюремной решеткой огромной массой людей, становятся годами жизни человека в нечеловеческих условиях. И при этом я имею в виду не столько жесткую строгость тюремного и колониистского режима, а характер межличностных отношений и те, с позволения сказать, моральные нормы, которые их определяют. А они таковы, что исключение начинают составлять обыкновенные для нормального человека и взгляды, и поступки. И как гниющие овощи, фрукты, продукты отравляют вокруг себя воздух, так социально разлагающая атмосфера, создаваемая в местах заключения, не только корежит судьбы осужденных, но и не менее губительно сказывается на общественных отношениях в стране.

К сожалению, несмотря на очевидную для всех социальную трагичность проникновения представителей преступного мира во власть, на победное шествие уголовной морали «жить по понятиям», приходится признать, что за самим фактом происшедших радикальных изменений и в государстве, и в обществе остаются непроясненными причины столь разрушительных духовно-нравственных изменений. А ведь это их социально неимоверная мощность, если и не на всем, то, несомненно, на очень многом сказалась в нашей общественной атмосфере. Но мы, мягко говоря, наивно предполагали и, кажется, продолжаем предполагать, что посадить преступника в тюрьму, изолировать от общества, значит, изолировать и общество от него. А это не так, точнее совсем не так. И если рассматривать тюремную изоляцию преступников от общества с позиций обязательно возникающих социальных последствий, то еще не прояснено, что продуктивнее — сажать или нет?

Мне не забыть разговора, состоявшегося с руководством органов внутренних дел республики КОМИ, в связи с приездом комиссии во главе с Министром МВД СССР в 1964 г.: «Как можно понять и, тем более, объяснить, когда из Москвы, обладающей мощнейшим воспитательным потенциалом, самыми квалифицированными кадрами, материальными возможностями высылают к нам такое количество опустившихся, уголовно наказанных людей? Ведь ни о каком перевоспитании речь и идти не может! Наобо-

рот, происходит разложение местных жителей и, особенно, молодежи. И нам остается только хоть как-то обеспечить для наших коренных жителей элементарную безопасность. А ведь сейчас никакой олимпиады нет, и Коми — не «101-й километр»?!

И привожу я это высказывание, несомненно, очень мужественного и принципиального человека совсем не для того, чтобы кого-то упрекать и искать виновных. Эти слова, преисполненные боли и отчаяния, буквально зеркально отражают логику веры в изоляцию, выселение, отдаление как средство решения социально значимых проблем.

И получается, в результате, то, чего мы, казалось бы, больше всего не хотели и продолжаем не хотеть. Зная со школьной скамьи, что накапливаемое количество *неизбежно* переходит в новое качество, мы, изолируя людей, преступивших закон, создаем среду, в которой *каждый из них* вынужденно проходит свои «университеты». И жестокость правил такой учебы дает, судя по достигаемой эффективности, великолепные результаты. Это у нас с исчезновением марксизма-ленинизма не стало единой на всех идеологии. Это у нас не стало авторитетов, исчезли из общественного сознания такие ценности, как «труд» и «репутация», а ненормативная лексика стала не только основой межличностного общения, но и самым эффективным средством создания художественно достоверных образов и высочайших образцов литературной речи, раздающейся с телевизионных экранов и театральных подмостков. А у них, тех, кто еще совсем недавно обучал нас, как растопыривать пальцы, как хладнокровно убивать и «опускать» людей, и как можно жить в «шоколаде», все наоборот.

Тюремная среда, создаваемая десятилетиями, неизменно способствовала развитию уголовной идеологии, уголовной морали и непререкаемых установок, отступление от которых жестко и жестоко наказуемо. Тюремная среда, как социальная воронка, втягивающая в свое сопло все новые и новые поколения, оказалась способной жестко иерархизировано структурироваться, обеспечивая тем самым возможность «карьерного роста». Тюремное многолетие сумело сформировать буквально полчища своих питомцев, способ-

ных в отличие от наших доморощенных демократов, объединять в себе в органическом единстве свои убеждения, значимые ценности, личную готовность на беспредельный в своей жестокости поступок, и, что, пожалуй, самое главное, подчиняться дисциплине, на которой основано любое преступное сообщество. И эта тюремная среда оказалась, без какого бы то ни было преувеличения, той кузницей кадров, которые, за редким исключением, как никто другой, сумели воспользоваться государственной разрухой. И не только обогатиться, но и, как отмечалось, войти во власть. И, наверное, ни для кого не является большим секретом, что даже многие мэры городов и даже губернаторы, а то и более высокие представители власти ходили за советом или очередным распоряжением к человеку, чей титул и чье звание в сложившейся ситуации засверкали отблесками признанного авторитета. Ибо это звание было — «вор в законе». И человек, носящий это звание, коренным образом изменил, поставил с ног на голову все, что называется нравственностью, общественно значимыми ценностями и даже государственной властью.

Причем настолько мощно и однозначно перевернул, что даже оказавшись за решеткой, продолжал распоряжаться всем, что происходило на «свободе», за стенами тюрьмы, а непосредственно в самой тюрьме жил, в прямом смысле этого слова, по-царски. Ни в чем себе не отказывая. Ни в чем!

И надо обладать большой, а точнее, беспредельной наивностью, нисколько не учитывать печального опыта решения проблемы борьбы с преступностью в СССР, чтобы в примитивном призыве «вор должен сидеть в тюрьме!» продолжать видеть не только панацею, но и сколько-нибудь эффективное средство ликвидации столь сложного и чрезвычайно разрушительного явления. Ведь создавая миф о гидре, с которой боролся Геракл, древние мудрецы предостерегали нас от любых близоруких решений и поступков. Тюремная среда, ее традиции и правила, идеология и структурированная степень организованности неотвратимо воспроизводят отношения, являющиеся фундаментальной основой преступности. И чем больше мы будем в эту среду помещать оступившихся, совершающих правонарушения и уголовно наказуе-

мые поступки, тем в большем количестве и с более высоким уровнем «всесторонней подготовленности» уже полностью искореженные люди будут выходить на свободу. И они, возвращаясь, еще с большим рвением начинают делать все то, чему их там за эти годы научили. И получается, что тех лет, которые им суд присудил, оказывается недостаточно для перевоспитания, но вполне достаточно для успешного завершения «профессиональной переподготовки». Можно сетовать по этому поводу, можно задавать бесконечное число вопросов и недоуменных восклицаний, но непреложным остается факт разлагающего влияния тюремной среды, вершащей по отношению к каждому вновь пришедшему свою страшную — и для него, и для общества — роль.

Но если всеми разделяемое требование «вор должен сидеть в тюрьме» и близоруко, и неэффективно, и социально негативно, то значит ли это, что «вор — не должен сидеть в тюрьме»? Нет, не значит. Категорически — не значит! И тогда, находясь в такой логической ловушке, нам ничего другого не остается, как начисто отказаться от издревле известного считающегося мудрым указания — «истина находится посередине». К сожалению, той середины, ведущей к истине, здесь нет. А есть возможность выбора, либо по-прежнему исходить из того, что вора надо, не мудрствуя лукаво, сажать в тюрьму, либо хорошо-хорошо задуматься, а нельзя ли как-то иначе, *принципиально иначе* решать проблему преступности. И, следовательно, если мы несколько не хотим извлекать уроки из нашего и не нашего исторически накопленного опыта, если мы считаем возможным сводить проблему к столь и примитивному, и неэффективному решению, как *неотвратимость наказания тюрьмой*, то кто нам может помешать? Своя рука владыка. И так как власть, как известно, не преподносят на тарелке с голубой каемкой, а *берут* — и мы все хорошо понимаем глубинный смысл этого глагола — то кто может запретить бороться с преступностью именно таким образом. Тем более, что именно такая борьба наглядно демонстрирует населению активное стремление власти карать за нарушение закона. И открыто нескрываемая жесткость и неотвратимость кары раньше или позже уничтожит эту страшную социальную

гидру — преступность.

Но если мы не только понимаем, но и знаем, что неотвратимость наказания не является, и никогда не являлась, универсальным и безотказным средством борьбы с преступностью, и это, может быть, лучше всех подтверждают сами стремящиеся к власти, а не только отпетые уголовники, если не можем не видеть, какое разрушительное воздействие оказывает на жизнь общества тюрьма как организуемое гетто, и, конечно, если мы действительно хотим избавить будущее нашего общества, а еще точнее — наших детей и внуков от преступности, то нам ничего другого не остается, как искать решения, которые действительно способны вести к такой цели. И, естественно, в первую очередь на самом высоком государственно-властном уровне. Без властных усилий и активно проявленной политической воли такую сложную многоуровневую проблему не решить.

Цена вопроса

Но кроме политической воли, есть еще ряд необходимых исходных условий, без которых тоже трудно рассчитывать на успех. И условия эти — системная проработка программы, раскрывающей не только цели и задачи предстоящей работы, но и — на каком уровне, кто и как призван эту работу выполнять. Если с этими условиями согласиться, то первое, что надлежит сделать, это методологически осмыслить и системно разложить понятия «преступность» и «вор».

С первым понятием, как представляется, особых сложностей нет. Надо, в первую очередь, выделить из всей совокупности признаков, включаемых в это понятие, только те, которые связаны с насильственными действиями по отношению к личности и всеми видами ограблений. То есть нам необходимо особо выделить деятельность, идеологически противопоставляющую себя конституционным и духовно-нравственным ценностям общества, строящейся на волчьем праве сильного, для которого доброта, совесть, достоинство личности, сострадание, благородство и великодушные ровным счетом ничего не значат. Благодаря такому выделению мы создаем достаточно четкое и адекватно воспринимаемое представление, с чем должна вестись борьба. Это,

естественно, не означает, что со всеми другими видами уголовно наказуемых действий можно не бороться, но позволяет направить усилия государства и общества на искоренение угрожающей каждому человеку и обществу в целом этой разновидности преступности.

Выделив именно эту совокупность преступных действий, мы получаем возможность уже «внутри» только этой группы дифференцировать их разновидности, исходя и из специфических различий и особенностей, характера и волевых качеств, требующихся от личности, вступившей на эту стезю. И, уже исходя из такой дифференциации, не только стремиться к «справедливости» наказания, но его адресно формирующей по отношению к каждой осужденной личности адекватности. И поэтому приобретет весомое значение не только определение срока наказания, но и место, и среда, в которой окажется осужденный.

Но есть еще одно условие, без соблюдения которого рассчитывать на высокую эффективность борьбы с преступностью не приходится. И необходимость соблюдения этого условия определяется социальной природой поведения личности, оказывающейся способной перешагнуть рубеж, разделяющий шалость, эмоциональную несдержанность, спонтанно возникшее ненасильственное желание и действие, основанное на стремлении достигнуть определенной цели, ни перед чем не останавливаясь и не принимая во внимание страданий и боли другого человека, и даже возможности убийства. Тот вид преступности, о котором идет речь, в первую очередь характеризуется полным отсутствием внутренней рефлексии, направленной на признание жизни и достоинства другого человека как, если и не высшей, то, вообще, какой бы то ни было ценности. И, к сожалению, неразрываемым единством желания и поступка. Захотел — сделал. И полным безразличием к общественному мнению, обеспечиваемому внутренней отгороженностью личности, возникшим «смысловым барьером» между нею и окружением вообще, и «воспитателями» в особенности.

Но безотносительно к каким бы то ни было генетическим отклонениям от того, что принято в обществе считать «нормой», такие характерные особенности и такие внутрен-

ние связи и отношения с другими людьми возникают и проявляются не сразу, не в одночасье. К такому состоянию, таким внутренним установкам и готовности «перейти Рубикон» ребенку приходит не сразу. Ему для этого приходится пройти определенный путь, по которому и к которому нередко его ведет и подталкивает среда, способствуя формированию его реакций на внешние воздействия и возникновению стойких внутренних оценочных регуляторов.

И, следовательно, преступность может быть сведена к минимуму, если борьбу с ней выстраивать, как выстраивается целенаправленный процесс, ориентированный на обязательное признание каждого ребенка в качестве ценности, не допускающей инверсии, исключающей возможность не считаться, с чувствами другого человека и, естественно, с другим человеком. При таком подходе воспитатель стремится формировать личный опыт личности, учитывая сенситивные особенности каждого возрастного периода и на этой основе с позиций принципа природосообразности формировать духовно-нравственные представления как эмоционально чувственные регулятивы поведения ребенка. Именно эмоционально-чувственные, а не только интеллектуальные, обращенные к его сознанию, что, к сожалению, преобладает в массовой практике, сводя общение с детьми к назидательным наставлениям.

В данной статье нет ни возможности, ни, наверное, необходимости останавливаться специально на этом вопросе, но есть все основания утверждать, что гипертрофированное стремление воспитывать, обращаясь к сознанию ребенка, не только не является и не может являться в силу целого ряда отсутствующих личностных характеристик сколько-нибудь эффективным средством воспитания, а наоборот, ведет к отчуждению и вербально-демагогической готовности все решать в словесных перепалках. Воспитание, в сути своей, есть развитие, осуществляемое самой личностью, активно и заинтересованно обращающейся за помощью и очень важными для нее ответами к близким и авторитетным людям. А авторитетные люди, при этом, хорошо понимают не только то, что нужно вести ребенка к ближайшим и отдаленным перспективам, но и что без его позитив-

ного эмоционального самочувствия, без *проживаемой* в данный момент успешности в деятельности, игре, развлечениях, активного стремления к общению с ними им не удастся по-настоящему помочь ему, а это и значит, не удастся добиться воспитательной результативности.

Я не привожу примеров, но они есть, и не как некие исключения из правил, а как самые убедительные в своей неопровержимости доказательства эффективности воспитания, осуществляемого на основе гармонизации требований принципов природосообразности и адаптации. Целе-направленная социализация личности, изначально ориентированная на формирование ее готовности адаптироваться к требованиям общества и государства, будет успешной только в том случае, если ее становление и развитие будет осуществляться в непрерывно воспроизводимой ситуации проживаемой успешности и эмоционального комфорта. Прогнозируемое будущее в воспитании прорастает из настоящего, если между ним и присущей ему совокупностью отношений и духовно нравственных ценностей и будущим не возникает отторжения, если ребенок—подросток—юноша сам активно стремится к воспроизведению таких отношений, являющихся для него самой желанной и самой значимой средой быта и бытия. И, кстати, дороги именно к такому воспитанию могут быть совершенно разными. И если в школе № 792 (директор Лариса Николаевна Валишина, г. Москва) создается буквально веер предоставляемых каждому ученику возможностей для эмоционального проживания чувства успешности в том или ином виде деятельности, и этим самым в каждом из них формируется самоуважение в гармоническом единстве с проявляемым уважением других, то в школе № 170 (директор Элла Исаковна Гуськова, г. Москва), все строится на любви к русской литературе, русскому слову, пробуждающему «души прекрасные порывы», превращающему само образование в формирующую духовно-нравственную среду, в которой возникают столь ценимые каждым учеником и учителем отношения. А как может не сказаться на становлении личности атмосфера, созданная в школе № 1936 (директор Ольга Григорьевна Андрианова, г. Москва), где *на каждо-*

го ученика составляется расписание, и учится он по учебному плану, определенному коллективно — родителями, самим учеником и школой.

И при этом не могу не отметить, что речь идет о деятельности школ не в прошлом, не в спокойные советские годы, а сегодня, в наших условиях и столь непростой действительности. И опыт таких школ, которых не так уж мало, раскрывает перед нами не только неисчерпаемость потенциала целенаправленного педагогического влияния, но и нами не до конца осознанные и, тем более, нераскрытые возможности *светской школы*, способной эффективно решать проблемы социализации личности в современных противоречивых политических и идеологических условиях, руководствуясь единственным документом — Государственной Конституцией Российской Федерации

Определенным образом принципиальную значимость такого вывода убедительно подтверждает не только опыт таких учебных учреждений, но и проводимый в Москве в течение трех лет эксперимент по преобразованию начальной школы, в процессе которого отработывалась модель, одной из функциональных задач которой является обеспечение эффективной социализации личности ученика. Принципиально важным является то, что полученные результаты *каждой из 24 школ разных округов Москвы* достигаются на основе целенаправленного использования формирующих потенциальных возможностей учебного процесса и психолого-педагогического обеспечения ввода каждого ученика в — подростковый возраст. И с этих позиций сама социализация рассматривается как необходимая каждому совокупность знаний, умений и компетенций в органическом единстве с ценностными установками и сформированной готовностью к сопротивлению негативным влияниям.

Опыт, которым мы уже сегодня, в сложнейших социальных условиях обладаем, со всей очевидностью подтверждает, что мы не только должны, но и можем противостоять разрушающим влияниям преступности, ее идеологии и морали, используя для этого формирующий потенциал не только системы образования, но и всех средств, которыми располагает государство. Важно только выделить в качестве

неотложной и первоочередной именно задачу борьбы с преступностью, педагогически обеспечивая опережающие возможности целенаправленного формирования нравственного опыта каждого ребенка.

Но в этой сложнейшей разноуровневой системной проблеме эта задача, хоть и необходимая, и очень важная, но не единственная. Нам не уйти от того, чтобы системно разобраться в таком слове-неразлучнике, каким является для вора «тюрьма».

Одно дело — попасть в нее первый раз, и совсем другое — в третий или в пятый, одно дело оказаться, как говорится, «на нарах» на год, и совсем другое — на 7 — 10 лет, одно дело оказаться там действительно за воровские деяния, и совсем иное — семейную драку, за нарушение правил дорожного движения или половое преступление? Но, как это ни странно, все эти, столь разные люди — смею утверждать не только по совершенным преступлениям! — оказываются сведенными вместе и вынужденные несколько лет провести — в прямом смысле — бок о бок. А что из всего этого получается, мы уже хорошо знаем. Но почему-то все складывается и происходит именно так. Вопрос в том и состоит — *почему?* Ведь хорошо известно, что любое наказание сколько-нибудь эффективно может действовать только в первые дни, ну месяц-два. В дальнейшем оно просто превращается из наказания, остро переживаемого личностью, толкающего ее на внутреннюю рефлекссию и хоть какое-то самоосуждение, в реальную привычно воспринимаемую повседневную жизнь. Именно реальную и повседневную. Со своими правилами, своими установками, своими требованиями, со своим занятым тобой местом в сложившейся иерархии отношений и приобретаемыми привычками. И человек, много лет проведший в тюрьме, как правило, не готов ни морально, ни духовно к выходу на свободу. Особенно, если его там никто не ждет. А если он еще достаточно молод, то, находясь в таком окружении, он чаще всего прокручивает в своих мыслях планы предстоящих по выходе на свободу дел. И очередная встреча с тюрьмой, как правило, только возможность повышения профессионального мастерства, и не больше.

Не продифференцировав состав сидящих в колониях и тюрьмах, не обеспечив для каждой из этих групп возможность адаптивной готовности вхождения в жизнь общества, раскрывающей перед каждым возможность духовного и профессионального самоутверждения, не отказавшись от социально тупиковой логики «нарушителя — в тюрьму», мы по-прежнему будем себя обрекать на непрерывную борьбу с преступностью, не ведущую к сколько-нибудь положительному результату.

И если нас ничто не может заставить отказаться от такой тупиковой логики, если для нас достаточно звучат убедительно слова работников колонии, из которых следует, что проблема перевоспитания плохо решается из-за малых сроков наказания, то может быть весомым аргументом станет *экономическая невыгодность* содержания в тюрьмах и колониях такого количества людей, учитывая при этом не только их пребывание в них, но и во что обходится обществу и государству преступность как неотступный спутник нашей жизни? Средства, которые при этом нужно будет потратить для того, чтобы избавиться от такого «спутника», не идут ни в какое сравнение с теми материальными, духовно-нравственными и социальными издержками и потерями, которые мы тратим и несем сейчас. И при этом понимая, что, продолжая действовать так же, как сегодня, нужного результата не добиться.

И завершить извлечения из нашего прошлого, позволяющего понять, насколько нужны принципиальные изменения и подходы к решению проблемы борьбы с преступностью в настоящем, я хочу задать, хоть он, очевидно, и звучит чисто риторически, вопрос: «А должен ли и «не-вор» сидеть в нашей сегодняшней тюрьме?

И если стремиться реально бороться с преступностью и хорошо понимать разлагающую суть тюремной среды, и тех социальных и духовно-нравственных последствий, порождаемых ею, нам, наверное, нельзя не задуматься над таким вопросом. И хорошо все взвесив, хотя бы самим себе, откровенно и искренне ответить на него.